

БЛОНДИНКИ ПРЕДПОЧИТАЮТ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ,

Глупа, одинока, опасн^{или}У

МАША ЦАРЕВА
БОЛТОВНЯ БРЮНЕТКИ

«Правило номер три:
никогда не спи с теми,
у кого берешь интервью»

БОНУС
+ новый рассказ
the best!

Маша Царева
Блондинки предпочитают джентльменов,
или Глупа, одинока, опасна
Серия «Саша Кашеварова», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=302472

Блондинки предпочитают джентльменов, или Глупа, одинока, опасна: РИПОЛ классик; Москва;
2008
ISBN 978-5-386-00905-2

Аннотация

Саша Кашеварова уже давно не менее знаменита, чем Маша Царева, которая ее придумала. Ее имя стало нарицательным, о ее похождениях рассказывают в кулуарах, о ней снимают кино, она – идол поколения single.

На этот раз Саша исследует закулисы телевидения. И попутно – куда же ей без этого – продолжает охоту на московских миллионеров. Этот остроумный роман впервые был издан в 2004 году и сразу завоевал расположение самого широкого круга читателей, выдержал несколько переизданий и лег в основу телевизионного фильма.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Царева

Блондинки предпочитают джентльменов, или Глупа, одинока, опасна

ГЛАВА 1

Настоящая женщина должна сделать в этой жизни три вещи: найти того, кто построит ей дом и посадит возле него дерево, родить ему чадо и... хотя бы однажды перекраситься в блондинку.

Я вышла из модной парикмахерской на Чистых прудах, рассмотрела свое умноженное магазинными витринами отражение и подумала: хо-хо! Пусть нет у меня ни мужа, ни дома, ни чада, ни даже дерева (хотя одно время я пыталась держать кадочную пальму, но потом та тихо и медленно скончалась, не знаю уж почему). Зато последний пункт программы максимум мне удалось выполнить на все сто. Из банально русой миловидной женщины я, словно Золушка, одномоментно превратилась в великолепную платиновую блондинку. Не обошлось, конечно, без феи-волшебницы, роль которой исполнил гомосексуально ориентированный стилист по имени Ашот. А вот кареты, увы, в моем распоряжении не было, так что пришлось мне пешком топтать по направлению к самому неподходящему для роскошных блондинок месту – Московскому метрополитену.

И вот шла я по Чистопрудному бульвару, время от времени сдувала со лба новообретенную светлую челку и чувствовала себя чуть ли не Афродитой, только что рожденной из пены морской, когда вдруг услышала пронзительный женский голос:

– Сашка? Кашеварова!! Это ты, что ли?

Меня догнала невысокая миловидная, хотя и довольно пухленькая девушка в непритязательном джинсовом костюмчике. Я немного растерялась: меня окликнули по имени, мне приветливо улыбаются, а я, хоть убейте, не могу понять, кто эта особа и почему ее круглое румяное лицо кажется мне таким смутно знакомым.

Но тут старушка память услужливо подбросила слегка выцветшую от времени картинку – университетская аудитория, я в идиотских очках делаю вид, что внимательно слушаю лекцию о творчестве Гомера, а сама украдкой рассматриваю красавца профессора и лениво размышляю о том, насколько высока степень его женатости. А рядом со мной, сдвинув брови к переносице, сидит вот эта самая щекастая девчонка и со скоростью судебной стенографистки записывает каждое слово в толстенную тетрадь.

Да это же Лека Спиридонова, моя бывшая однокурсница, отличница, активистка и вечная староста! Сколько лет, сколько зим. Я не видела ее с тех пор, как окончила университет, то есть семь лет.

– Лека! – Мы никогда особенно не дружили, тем не менее я была искренне рада ее видеть. Не потому, что она была именно Лекой Спиридоновой, а потому, что она явилась из моей беззаботной далекой юности.

– Кашеварова! Какая ты стала... шикарная, – прищурилась Лека, – признавайся, наверное, вышла замуж за денежный мешок!

Мне не хотелось признаваться, что шикарной роковой блондинкой я стала каких-то двадцать минут назад. И, вместо того чтобы пожаловаться на отсутствие мужа, я промывчала нечто нечленораздельное, чтобы ей так и не стало ясно, имеется ли в моем паспорте харак-

терный штамп, а в моей спальне, на левой половинке кровати, вышеупомянутый денежный мешок.

Чтобы не вдаваться в подробности, я быстро спросила:

– А как твои дела?

Все-таки я профессиональный журналист, и задавать вопросы – моя стихия...

... Беда в том, что Лека Спиридонова – тоже профессиональный журналист, ведь окончили мы с ней один факультет.

– У меня все хорошо, – ответила она. – Так я не поняла, ты замужем или нет?

И мне пришлось сказать:

– Нет. А ты?

– Нет, – вздохнула Спиридонова.

Отлично, ноль-ноль. Есть в подобных случайных встречах тайная опасность. Конечно, всегда приятно увидеть человека, с которым был знаком много лет назад, с которым у тебя был общий старт. Вы сердечно расцелуетесь, обсудите, как сложилась жизнь у бывших однокашников. А потом вдруг выяснится, что серая мышь, с которой ты когда-то сидела за одной партой, вышла замуж за футбольную звезду, родила ему близнецов и живет теперь в бело-снежном особняке на Итальянской Ривьере. И тебе станет как-то не по себе. Конечно, ты не ударишь в грязь лицом и бодро соврешь о своей работе в шоу-бизнесе и своей коллекции антикварного фарфора. Капризно нахмурившись, ты посетуешь на то, что в Монте-Карло нынче жара, а загар вреден для кожи, и на то, что сумочки из последней коллекции Гуччи не подходят к цвету глаз твоего сверхпородистого кота. Может быть, ты даже сойдешь за свою. Но потом, в своей тесной скудно обставленной однушке, ты долго не сможешь уснуть, размышляя о роковой несправедливости мироустройства. И почему так получается – одним все, а другим ничего? Одни живут в доме с колоннами в компании загорелой крепконогой футбольной звезды, а у других раковина забита позавчерашней посудой, и даже нет времени ее перемыть, потому что на работе опять аврал. Что ж, такова жизнь. В конце концов, в каждой футбольной команде всего одиннадцать игроков, а неустроенных девиц, которым через два года исполнится тридцать лет, – толпы.

– Не замужем я, – повторила Лека и, вздохнув, добавила: – Все силы отнимает работа.

Ну вот, час от часу не легче. Сейчас она объявит, что стала председателем правления международного банка и за углом ее поджидает БМВ представительского класса. Кстати, а не подбросить ли тебя, Саша, до метро? А то у тебя такой усталый вид. Уверена, именно об этом сейчас она и думает, иначе с чего бы ей так пристально смотреть на мои не очень изящные, зато чрезвычайно удобные босоножки «Экко»?

Не могу сказать, что сама я устроилась плохо. Я – редактор рубрики моды в не слишком известной, зато еженедельной газете «Новости Москвы». Вот явные плюсы моего служебного положения: у меня есть красивые визитные карточки с золотым тиснением, меня бесплатно пропускают на любые показы мод, иногда мне перепадает дизайнерская одежда за полцены.

А вот минусы: я ненавижу своего начальника (причем чувство это взаимно), зарплата моя примерно вчетверо меньше желаемой, и, самое главное, – мне надоело, надоело, надоело сидеть в моем пыльном крошечном кабинете и писать о каких-нибудь никому не нужных корсетах или возвращении моды на мини. Хотя я всегда, с самой юности, мечтала работать именно в мире моды. Но не так представляла я себе свою карьеру, совсем не так. Мне казалось, что холеная и шикарная, словно супермодель, я буду переезжать с одного богемного мероприятия на другое. С Парижской недели Высокой моды на авангардные показы в Нью-Йорке. Ну и так далее.

– Ну и где же ты трудишься? – уныло спросила я, потому что поняла, что Спиридонова деликатно ждет именно этого вопроса.

– На телевидении! – выпалила она. – У меня такая интересная работа, ты не представляешь, Кашеварова!

– И чем же ты конкретно занимаешься? Ведешь прогноз погоды?

Она пропустила мою колкость мимо ушей.

– Я всегда, всегда мечтала работать на телевидении. Телевидение – это наркотик, на который подсаживаешься раз и навсегда, – глаза Спиридоновой горели особым фанатичным огнем, – сама понимаешь, попасть туда не так-то и просто. Сначала я устроилась внештатным корреспондентом в одну небольшую передачу. Пахала почти круглосуточно, причем за копейки. Зато потом меня переманили в «Новости», уже редактором. А сейчас... – она даже захлебнулась от возбуждения, и я невольно позавидовала этому щенячьему энтузиазму, – сейчас я устроилась в новую программу, корреспондентом. Называется «Джентльмен-шоу». Это программа о джентльменском образе жизни, и я беру интервью у разных известных людей...

– Известных мужчин? – уточнила я.

– Ну да. Ох, это так интересно, это то, о чем я мечтала.

– О мужчинах? – понимающе улыбнулась я. – Да, я с тобой полностью согласна. И работа престижная, и заодно мужика себе хорошего найдешь.

– Я вообще-то говорила об интервью, – смутилась Спиридонова, – интервью – мой любимый жанр журналистики. А что касается мужиков... Ну, я стараюсь не смешивать работу и личную жизнь.

– Ну и дурочка! – вырвалось у меня. – Вот одна моя подружка работает спортивным обозревателем не потому, что ее интересует спорт, а потому, что она любит общаться с симпатичными спортсменами.

– Ну а ты? – поинтересовалась Лека. – Ты-то как устроилась? Ты мечтала, кажется, работать в индустрии моды?

– Так и получилось, – расправила я плечи. Не рассказывать же ей всех подробностей моей так называемой модной работы. – Я редактор отдела моды в газете. Хорошая работа, хотя и очень утомительная. Показы, тусовки, бессонные ночи.

Так, когда я в последний раз была на тусовке, о которой не стыдно рассказать бывшей однокурснице? Кажется, в позапрошлом году, это была презентация нового парфюма...

– А хочешь, перебирайся к нам, – ни с того ни с сего вдруг предложила она.

Я насторожилась.

– Что ты имеешь в виду?

– У нас катастрофически не хватает корреспондентов, – пожала плечами Лека, – очень нужны люди, свежая кровь. Зарплата неплохая, и даже бывают премии. Коллектив дружный. Так что ты подумай.

– И я тоже буду интервьюировать известных мужчин? – заинтересовалась я.

– Ну да.

– Что ж... Вообще-то я не собиралась покидать свое место... Но я подумаю.

Мы поговорили еще минут десять. Обсудили нашу бывшую однокурсницу, которая снялась для журнала «Плейбой» (единогласно пришли к выводу, что все равно ее внешность далека от идеала), и нашего бывшего однокурсника, который стал знаменитым военным корреспондентом. Обе, философски вздохнув, отметили, что загар и куртка расцветки камуфляж ему очень даже к лицу. Кто бы мог подумать, что из задохлика-очкарика может получиться такой бесстрашный супермен! Обсудили Лекин отдых в Тунисе и мою новую сумочку «Луи Виттон» (я четыре месяца откладывала деньги, чтобы ее купить). На прощание обменялись визитными карточками, и я горячо пообещала обдумать заманчивое предложение и перезвонить.

* * *

Я блондинка.

Черт возьми, я и правда блондинка!

Доказательство тому – в прямоугольном зеркальце моей пудреницы и в восхищенных взглядах встречных прохожих. Такими глазами мужчины смотрят только на блондинок. Кому, как не мне, это знать.

Я решила изменить внешность не случайно. Не знаю, все ли со мною согласятся, но лично для меня покраска волос – это терапевтический акт. Я крашу волосы, когда хочу измениться. Я хочу измениться, когда перестаю себе нравиться. Я перестаю себе нравиться, когда меня бросает мужчина.

С Эдуардом Маркиным я встречалась почти два года. И все это время мы провели бок о бок, точно попугай-неразлучники. Все вокруг не уставало повторять, что мы идеальная пара. Да, наверное, со стороны так и казалось. Мне двадцать восемь лет, ему – тридцать пять. Я – редактор и неплохо зарабатываю, он – спортивный тренер и зарабатывает еще больше. Я довольно высокая, он – на голову выше меня. Иногда я бываю просто невыносимой, а он... ладно уж, об этом пока промолчим.

У этого союза были и другие безусловные плюсы. Эдик меня любил – искренне и глубоко (правда, до сих пор не понимаю, за что именно). Мы ведь даже собирались пожениться. Во всяком случае, он мне сделал предложение и даже подарил кольцо. И в моем шкафу поселилось свадебное платье – шикарное пышное платье, с корсетом и длинным шлейфом.

Мы должны были пожениться зимой, перед самым Новым годом. Уже и день свадьбы назначили, и ресторан подходящий выбрали. Моя мама приобрела забавную шляпу с ромашками – где-то она вычитала, что на голове матери невесты непременно должна быть шляпа. Но с самого начала, вернее, с того самого момента, когда на моем пальце появилось традиционное невестино кольцо, меня не покидала мысль, что я поступаю неправильно.

Примерно в то самое время, когда мне было подарено красноречивое колечко, я начала вести дневник, чего не делала с восьмого класса средней школы. И это было не очередное инфантильное развлечение, а острая потребность в самоанализе. Иногда я на память записывала наши с Эдиком разговоры – как в театральной пьесе, по ролям. А потом перечитывала – но только для того, чтобы лишний раз убедиться: мне с ним скучно!

«Я не уверена, что люблю его», – нахмурившись, жаловалась я подружкам. А те в один голос говорили, что все это глупости, что все невесты испытывают похожие чувства накануне свадьбы, это нормально. И вообще – разве кому-нибудь известно наверняка, что такое любовь?

Во всяком случае, уж точно не мне.

Я не уверена, что любовь – это когда ты двумя пальчиками брезгливо поднимаешь с пола ванной небрежно расброшенные носки своего возлюбленного и думаешь о том, что хорошо бы он уехал в двух-, а то и трехдневную командировку. Я также не уверена, что любовь – это когда ты слабым голосом сетуешь на мигрень, почувствовав, как рука возлюбленного медленно заползает под твою футболку. И уж точно я сомневаюсь, что настоящая любовь – это когда возлюбленный объявляет тебе, что ему предложили хорошую работу в Америке, а ты, вместо того чтобы огорчиться предстоящей разлуке, восторженно восклицаешь, как ты за него рада.

Эдик – инструктор по бодибилдингу. Работает он давно и увлеченно. Не так давно на презентации какого-то нового белкового напитка для культуристов он познакомился с известным американским кинопродюсером, которому внешность моего (то есть уже не моего, хотя тогда он еще был моим) Эдуарда показалась настолько привлекательной, что он

предложил ему сняться в обучающем фильме для спортсменов. Ни на минуту не задумываясь, Эдик подписал многостраничный контракт.

– Шурка, ты не представляешь, это такая возможность! Съемки будут проходить на киностудии в Голливуде! Может быть, мною заинтересуется какое-нибудь актерское агентство!! – радовался он.

– Никогда не знала, что ты хочешь стать актером, – удивилась я.

– Я и не хочу. Но все равно это было бы круто! Представляешь, я – и в Голливуде! Если с актерством ничего не получится, я смогу устроиться инструктором в спортивный зал. Ты знаешь, сколько получают голливудские инструкторы?!

– Видимо, много, – несмело предположила я.

– Нет! – взревел мой жених. – Не много, а очень много. Мы с тобой разбогатеем! Купим домик у моря.

– А при чем здесь мы? – уныло уточнила я. – Меня-то никто в Америку не звал.

– Но неужели ты думала, что я тебя здесь брошу, – он притянул меня к себе и поцеловал в лоб, – либо я поеду с тобой, либо вообще никуда не поеду.

– Но контракт ты уже подписал, – напомнила я.

– Это так, – вздохнул Эдуард, – но знаешь что... Ты могла бы приехать ко мне позже, когда я немного устроюсь. Да, так будет даже лучше.

На том и порешили. Свадьбу отменили. Вернее, перенесли, но я почему-то сразу поняла, что мероприятие сие не состоится уже никогда. Эдуард улетел в Калифорнию, а я осталась в Москве. И знаете, не могу сказать, чтобы я очень сильно по нему скучала. Но когда прошло четыре недели, а он мне так и не позвонил, мне стало обидно. В этом парадокс женской психологии. Если бы никакой работы в Америке ему бы не предложили, если бы он остался со мной и принялся бы рьяно готовиться к предстоящему бракосочетанию, я бы рано или поздно сделала бы ноги. Положа руку на сердце наша идеальная пара на самом деле вовсе не была таковой. Уж слишком разными мы были. Эдуард помешан на спорте, а у меня нет даже ни одних кроссовок. Я люблю шумные компании, он же предпочитает тет-а-тет с телевизором. Магазины наводят на него тоску, я же обожаю резвиться среди вешалок, выбирая новые наряды.

Тем не менее это он меня бросил. Не я, вильнув хвостом, оставила его с сердцем, разбитым на куски. А он нашел высокооплачиваемую работу в самом Голливуде и был таков. Наверное, сейчас мой Эдик, по-калифорнийски загорелый, в линялых, изрезанных на колене джинсах мчит по набережной на роликах рука об руку с какой-нибудь толстогубой фотомоделлю. Когда я об этом думаю, мне становится обидно, но я гоню мрачные мысли прочь.

В конце концов, личная жизнь – это еще не все. Свет не сошелся клином ни на мужчинах в целом, ни на Эдуарде Маркине в частности. Я молода, привлекательна, энергична, у меня много друзей и замечательная работа.

Расставись с Эдиком, я решила всю себя посвятить карьере. Буду преуспевающей, известной журналисткой, вы все еще увидите, на что я способна!

* * *

Я ненавижу своего начальника, главного редактора газеты «Новости Москвы» Максима Леонидовича Степашкина. Я точно знаю, что этот безобидный на первый взгляд молодой голубоглазый мужчина с внешностью и манерами средненького клерка, мечтающего о карьере Билла Гейтса, – монстр, маньяк, чудовище. Уверена, что ночами наш Степашкин зловеще воеет на полную луну и что питается он исключительно кровью погубленных им молоденьких журналисток.

Таких, как я.

– Александра, что-то я не припоминаю, куда делась ваша статья о древнегреческих головных уборах? – задумчиво нахмурившись, полюбопытствовал он.

Естественно, Максим Леонидович заявился в мой кабинет без приглашения и даже без предупредительного звонка. Я вообще не понимаю, зачем было переселять меня в отдельный кабинет, если моя обособленность от других сотрудников редакции – это просто формальность. Замка на моей двери нет. И я знаю, что в любую минуту мое творческое уединение может быть нарушено появлением Лерки из спортивного отдела, которая отвлечет меня от написания важной статьи заманчивым предложением прошвырнуться по ближайшим магазинам. Или Наташки из бухгалтерии, которая, округлив глаза, сообщит, что давеча она познакомилась с потрясающим мужчиной, о котором готова рассказать подробнее за чашечкой кофе с коньяком. Не поймите меня неправильно, я ничего не имею против вышеупомянутых дам.

Гораздо хуже, когда в мой кабинет заглядывает начальник, – я смотрю на его кислую физиономию, и у меня мгновенно начинается острая зубная боль. Давно подозреваю, что это просто аллергическая реакция. Да-да, у меня аллергия на собственного начальника. Но, вместо того чтобы растворить в воде таблетку шипучего аспирина, я приветливо улыбаюсь монстру и начинаю вдохновенно врать о том, что творческий процесс – в самом разгаре.

– Так где статья о шляпках?

Я вздохнула. Он ведь знает, стервец, что никакой статьи я написать пока не успела.

– В работе, – бодро сказала я, – как раз ее заканчиваю.

Он покосился на монитор моего компьютера, где на девственно чистом экране чернела надпись: «Головные уборы. Статья Александры Кашеваровой». Эх, надо было быстренько закрыть файл, услышав его шаги в коридоре.

– Я могу взглянуть на черновик?

– Думаю... думаю, да, – с самым что ни на есть сосредоточенным видом я пощелкала компьютерной мышкой, – то есть нет.

– Нет? – талантливо изобразив наивное изумление, переспросил он.

– Нет, – со вздохом подтвердила я, – но я обязательно покажу вам статью через... через полтора часа.

Брови моего начальника медленно поползли вверх.

– Но через полтора часа будет поздно, Александра. Номер будет уже сверстан, и вы это прекрасно знаете.

Я совершенно не чувствовала себя виноватой, но тем не менее застенчиво потупилась. Да кому нужна статья о каких-то древнегреческих головных уборах, если за окном первый по-настоящему летний, солнечный, жаркий, золотой день?! Кого интересуют идиотские панамы, если лето так хулигански подстрекает беспечно прогуливаться по набережной, постукивая модными каблучками, есть клубничное мороженое и улыбаться, флиртуя с незнакомцами?!

Вместо того чтобы покинуть наконец мое личное пространство, Степашкин фамильярно присел на краешек моего рабочего стола, прямо на аккуратно сложенную стопку пресс-релизов. Подумать только, какая наглость! Поджав губы, я исподлобья наблюдала за его телодвижениями.

– Александра, ваша беспечность меня настораживает, – проговорил Степашкин, – откровенно говоря, ваше присутствие в редакции давно кажется мне лишним.

Я закатила глаза. Дело в том, что подобные угрозы я слышу от Максима Леонидовича почти каждый день, с того самого момента, как я впервые появилась в редакции. Не знаю, честное слово, понятия не имею, за что он так меня невзлюбил. Да, я опаздываю, с завидным постоянством теряю пресс-релизы и забываю об утренних планерках – но разве эти причины являются достаточно весомыми для стойкой неприязни начальства?! Да половина

моих подруг вообще три раза в неделю игнорируют офис, притворившись тяжелобольными, и это им сходит с рук.

– Говорю же, часа через два допишу, – с легким раздражением воскликнула я.

– Советую поторопиться, – он нахмурился, – потому что в противном случае через три часа вас здесь уже не будет!

С этими словами Степашкин покинул мой кабинет. Нечеловеческим усилием воли подавив желание запустить ему вслед горшок с кактусом, я попыталась сконцентрироваться на работе.

На какую ерунду я вынуждена тратить изрядную часть своего времени! Да эти древние греки давно померли, и только я зачем-то исправно докладываю миру об их моде. Вот так и проходят, можно сказать, последние денечки моей молодости. Ведь через два года мне стукнет тридцать. А потом – глазом моргнуть не успеешь – и все сорок. И так далее. О чем же я буду вспоминать на старости лет, сидя в глубоком соломенном кресле и покачивая седую головой? О том, как кружила головы мужчинам, о рискованных приключениях и страстных бессонных ночах? О нет, я смогу поведать внукам только никчемную историю о том, что фригийская шляпка была похожа на спальный колпак с согнутой вперед верхушкой (хорошо, кстати, что я не являюсь жительницей Древней Греции, по мне – лучше застрелиться, чем появиться на людях в остроконечном колпаке!).

Я стукнула кулаком по столу; жалобно звякнули карандаши в стакане. Пыльное зеркало книжного шкафа свидетельствовало о том, что я пока молода, довольно хороша собой, к тому же блондинка.

В тот момент я твердо решила – с меня довольно!

Решение было спонтанным, странным, но непоколебимым.

* * *

Максим Степашкин смотрел на меня с таким неподдельным изумлением, словно на его глазах я вдруг начала превращаться в персонажа фильма «Чужие». Перед ним, на стильном дубовом столе, лежало мое небрежно составленное заявление об уходе по собственному желанию.

– То есть как это увольняетесь? – Он похлопал ресницами, словно разочарованная кокетка. Потом снял очки и протер их бумажной салфеткой, как будто бы это что-то могло изменить.

– А вот так! – Меня разбирал смех, но я мужественно сдерживалась, чтобы не нарушать торжественность момента.

– Но вы не можете... Сейчас, когда мы готовим к изданию два приложения. Людей и так будет не хватать.

– Это меня больше не касается, – я выдавила ледяную улыбку. Все шло как по маслу – именно так, как виделось мне иногда в самых дерзких снах. Я была хрестоматийной блондинистой стервой, а Степашкин – моей растерянной жертвой.

– Что ж, Александра, и вы уверены?

– Вы же сами сказали, что собираетесь меня уволить. Уверена на все двести процентов. И даже триста пятьдесят.

Когда-то, семь лет назад, я сидела в этом же кабинете и робко зачитывала Максиму Степашкину свое от руки написанное резюме. Я была совсем молодой, застенчивой, только что выпорхнувшей из университетских стен. Да и бессменный мой начальник был тогда значительно моложе, но все равно он казался мне серьезным и авторитетным; признаться честно, я его даже немного побаивалась. Тогда он принял меня на работу, и я стала зваться

гордым словом «стажер». Потом доросла до должности корреспондента, ну а потом и редактором отдела стала.

И вот теперь, семь лет спустя, я увольняюсь со своей первой работы, которую я даже когда-то считала любимой. И притом ни капельки не волнуюсь.

– Вы же сами говорили, что такие работнички, как я, только место в офисе занимают. Зато теперь в моем кабинете можно будет устроить зимний сад.

– Какой еще зимний сад? – тупо переспросил он.

– Обыкновенный, – я пожалала плечами, – с пальмами и, может быть, даже лимонными деревьями. Вы любите лимоны?

Степашкин потрясенно молчал.

– Я так и знала, что нет, – с притворной грустью вздохнула я, – что ж, может быть, оно и к лучшему. Ведь у вас и без всяких лимонов довольно кислый вид!

* * *

Так я потеряла работу.

Я шла по Стромынке и чувствовала себя легкой и свободной, как воздушный шарик, выпущенный из неосторожных рук. Мне двадцать восемь лет. Мужчины – опять нет. Работы – тоже. Равно как и денег – вот сейчас куплю сливочное эскимо, и кошелек похудеет, как красавица перед пляжным сезоном.

Зато мне завтра не придется разлеплять глаза под вой будильника. Зато мне больше не надо радовать мир никому не нужными сентенциями о пашминах, укороченных брюках и идиотских остроконечных колпаках... Зато, когда я, расправив плечи, проходила мимо группы молдавских гастарбайтеров, вслед мне раздалось: «Какая красавица!» Да знаю я, знаю, что они всем так говорят. Я просто пытаюсь сказать, что в офисном пыльном плену я разучилась радоваться жизни и теперь вдруг снова почувствовала себя готовой к приключениям и большим переменам.

К тому же у меня есть кое-что поважнее работы. Визитная карточка моей бывшей однокурсницы Леки Спиридоновой.

Помнится, несколько дней назад Лека пригласила меня попробовать свои силы на телевидении. А что, телевизионная карьера – это совсем неплохо.

ГЛАВА 2

Признаюсь честно, я всегда немного завидовала крутым бизнес-леди. Причем главным объектом моей зависти была, разумеется, не круглосуточная напряженная работа, а некий внешний лоск, вечный спутник карьерного успеха. Мне нравятся женщины, которые ходят на работу с массивными портфелями из крокодиловой кожи. Мне нравятся женщины, чей ледяной взгляд заточен в прямоугольник наимоднейших дизайнерских очков. Мне нравятся женщины, которые ловко объезжают московские пробки на «ауди» цвета металл.

Мне никогда не стать такой. В офис я хожу в старых, выдавших виды джинсах – во всех газетных редакциях царит неформальная домашняя атмосфера. Мой кабинет – это поцарапанный стол, внешним видом напоминающий школьную парту, и пыльный кактус на обшарпанном подоконнике.

Я задумчиво вертела в руках визитную карточку Леки Спиридоновой. Хм. Работа на телевидении. Воображение услужливо подбрасывает весьма заманчивые картинки. Вот я в атласном декольтированном платье поднимаюсь на сцену концертного зала «Россия», чтобы получить из рук Владимира Познера увесистую статуэтку «Тэфи». Мне рукоплещет зал, а я скромно улыбаюсь и прерывающимся от волнения голосом говорю в микрофон слова благодарности моим зрителям, моей маме и моему бывшему начальнику Максиму Леонидовичу Степашкину за то, что он был настолько невыносим, что мне пришлось уволиться и найти новую работу телеведущей.

За что же я собираюсь получить вождеденный приз? Да какая разница, я могла бы стать крутым профессионалом в любом телевизионном жанре – хоть ведущей вечерних новостей, хоть автором душещипательных документальных историй. Ведь я трудолюбива, коммуникативна и стрессоустойчива – во всяком случае, так написано в моем резюме (которое я, правда, скачала из Интернета, но кому какое дело?).

Итак, вечером я набрала Лекин номер.

Как ни странно, она меня сразу узнала и даже обрадовалась.

– Кашеварова! Как здорово, что ты все-таки позвонила! У нас такой аврал, ты как раз кстати. Я рассказала о тебе нашему начальнику, и он сказал, что ты нам подходишь.

Польщенная, я заулыбалась. Эх, жаль этот разговор не слышит Максим Степашкин. Он всегда говорил, что держит меня в офисе исключительно из человеколюбия. Мол, допустить мое присутствие в редакции – это благотворительный акт. Выходит, не правы вы были, глубокоуважаемый Максим Леонидович. Большой телевизионный босс считает меня достойным работником – вот так-то!

– И что же ты ему про меня рассказала? Что я работала редактором в газете и являюсь специалистом высокого класса?

– Нет, что ты высокая и блондинка, – простодушно объяснила Лека, – он у нас к блондинкам неравнодушен. Но ты не волнуйся, это сугубо теоретический интерес. Так что насчет завтра?

– Завтра? – растерялась я.

Если честно, я планировала недельку пожить в свое удовольствие. Спать до обеда, разгуливать по дому в ночнушке, не причесываться, смотреть ночные фильмы и объедаться заказанной по телефону пиццей.

– Ну да. Познакомишься со всеми, главный с тобой побеседует.

– Но я не готова к собеседованию...

– А чего готовиться? – хохотнула Спиридонова. – У тебя короткая юбка есть?

– Ну есть, конечно.

– Тогда считай, что подготовительный этап прошел успешно. Он даже не будет слушать, что ты ему говоришь. Работа тебе гарантирована. А послезавтра ты могла бы уже поехать на интервью.

– Ну, не знаю, – засомневалась я.

Перед глазами маячила ароматная пицца «Четыре сезона», упакованная в промасленную картонную коробку. И стопка кассет из видеопроката. И вместо этого маленького женского рая я должна отправиться на какое-то дурацкое интервью?

– Решайся, Кашеварова! – подстегивала Лека. – Работа хорошая. Подожди минутку, я загляну в график и посмотрю, с кем у нас послезавтра интервью, – она энергично зашелестела бумажками.

«Да с кем бы ни было, откажусь, – зевнув, решила я, – никуда эта работа от меня не убежит. Отосплюсь недельку, потом настанет черед и для интервью!»

– Так, слушай. Мастер-краснодеревщик. Русский, который работает ассистентом в доме моды «Шанель». И какой-то известный коллекционер антиквариата, между прочим, миллионер.

При слове «миллионер» я заинтересованно приподняла левую бровь.

– А сколько ему лет?

– Нашему начальнику? – дружелюбно уточнила Спиридонова. – Точно не знаю, но под сорок. А что?

– Да не начальнику, а миллионеру, дурочка!

– Кажется, лет тридцать пять. Я видела его фото в Интернете.

– И как?

– У нас высокоскоростной Интернет, выделенная линия, – похвасталась эта идиотка, – пять компьютеров. К тому же есть собственная информационно-поисковая система.

– Да я об этом коллекционере. Он симпатичный?

– Не знаю... Я как-то внимания не обратила. Ну, темненький такой, высокий. Кажется, волосы кудрявые.

А что, моя телевизионная карьера с каждой минутой обещает быть все интереснее и интереснее. Сначала речь шла просто о получении приза «Тэффи» (конечно, это только мечта, но разве не говорят психологи, что мысль материальна?), а теперь на сцене появился еще и раскудрявый красавец миллионер.

– Женат?

– Кашеварова, ну ты даешь! Я поняла, куда ты клонишь, – выдохнула Лека, – даже не думай об этом.

– Почему? Ты сама на него глаз положила? – догадалась я. – Так бы сразу и сказала.

– Да при чем здесь я? Просто у нас так не принято!

– Хочешь сказать, что ты каждый день берешь интервью у шикарных мужчин и умудрилась даже не закрутить роман с кем-нибудь из них? – недоверчиво уточнила я.

– Саш, я же объясняю, это нереально. Все эти джентльмены на нас и не смотрят. У них своих девушек полно.

«Ну, на тебя, может быть, и не посмотрят, – расправив плечи, самодовольно подумала я, – а вот на меня... По крайней мере, вероятность попадания есть!»

– Ладно, завтра говоришь, – сменила я тему, – а во сколько?

– Подтягивайся в телецентр часикам к одиннадцати утра, – оживилась Лека, – я тебя встречу. Конечно, работать мы так рано не начинаем, зато ты успеешь перехватить начальника. Он жаворонок.

Мое сердце забилося сильнее.

– То есть как это рано? Во сколько же у вас начинается трудовой день?

– Кто-то в двенадцать приходит, кто-то в час... Значит, до завтра?

– До завтра! – радостно воскликнула я.

Так, похоже, после долгих лет скитаний мне наконец удалось найти идеальную работу. Работу моей мечты. Работу, куда не стоит приходить раньше полудня, работу, где водятся холостые кудрявые коллекционеры антиквариата. Победно улыбнувшись, я подмигнула своему зеркальному отражению. Неблагодарное отражение в ответ состроило идиотскую гримасу.

Вот теперь я точно всем им покажу! И Степашкину, и Эдику.

Я стану, непременно стану телезвездой. Вот увидите!

* * *

К телевизионной карьере я подготовилась на славу. Во-первых, приобрела новые туфли. Честно говоря, коричневые лодочки на металлической шпильке были мне не по карману, но я приняла твердое решение начать новую жизнь, в которой я стану успешной бизнесвумен и в скором времени утру нос бывшему начальнику и коллегам, не верившим в мой успех. А где вы видели бизнес-леди, которая смеет явиться в офис в недорогих мокасинах из кожзаменителя? Во-вторых, в модном интерьерном магазине я купила строгую черную кружку и стильную рамку для фотографий. Я точно знаю, что на рабочем столе преуспевающей леди-босс непременно должна находиться семейная фотография в рамке. Правда, есть одно «но» – живу я одна, а семья моя состоит из родителей и их ручного хомячка по имени Степан. Наверное, не очень хорошо поставить на стол фотографию родителей (не говорю уж о фотоизображении хомяка, хотя Степа, на мой взгляд, весьма фотогеничен) – все будут думать, что я старая дева. Наверное, по большому счету так оно и есть. Да, но я-то привыкла считать себя независимой и современной европейской девушкой, у которой все еще впереди. Сначала – карьера, потом – все остальное. Это так, но не могу же я поставить на новый рабочий стол пустую рамку?!

Впрочем, я не из тех, кто пессимистично размышляет о проблемах, вместо того чтобы искать выход.

И выход нашелся довольно быстро – в верхнем ящике моего захламленного письменного стола. Представлял он собой групповой снимок редакции газеты «Новости Москвы». Маникюрными ножницами я аккуратно вырезала портрет моего бывшего начальника Максима Леонидовича Степашкина. Этот фотопортрет весьма удачно вписался в новую рамку. И не надо крутить пальцем у виска – в моем экстравагантном поступке была своя логика. Отныне на моем новом рабочем столе будет красоваться физиономия бывшего начальника. А я буду смотреть на нее и благодарить судьбу, которая, приняв облик Леки Спиридоновой, случайно повстречалась мне на Чистопрудном бульваре. Судьбу, которая настойчиво посоветовала мне: пора делать ноги!

* * *

Поздним вечером мне предстояла генеральная уборка – зачистка территории от навязчивых воспоминаний о бывшем бойфренде. Его фотографии в сентиментальных фарфоровых рамках, забытая им рубашка в клетку (вообще-то я люблю в ней спать, она уютная, но, видимо, придется расстаться с этой пагубной привычкой, потому что негоже отправляться в объятия Морфея в одежде человека, который вот уже три недели не звонит)... Его любимая кружка, его бритвенный станок, его пепельница, его теннисные шорты – весь этот хлам я без малейшего сожаления отволокла на помойку. И вот что удивительно – раньше мне казалось, что Эдик оставил в моей квартире не так уж и много вещей. Но когда я от них избавилась, дом как-то сразу опустел. И на минутку (а если быть честной, то на часок) мне стало грустно.

Да, я не идеальная женщина. Я плохо готовлю, поздно встаю и много болтаю. Но разве все вышеперечисленное является поводом, чтобы ни с того ни с сего исчезнуть из моей жизни – нагло и безвозвратно?! По-моему, я такого обращения не заслуживаю.

Да уж, мужчина – это диагноз.

* * *

На собеседование к новому потенциальному начальнику я заявила во всеоружии. Причем под словом «оружие» подразумеваются сногшибательное красное платье, новые туфли и тени для век с блестками. Еще в моем арсенале имелись: утягивающие колготки, алый гляцевый, точно автомобильная краска, лак для ногтей и очаровательная улыбка победительницы.

– Ну ты даешь! – округлила глаза Лека Спиридонова, которая благородно согласилась встретить меня на пороге телецентра. Благородно – потому что я опоздала на целых тридцать семь минут (все никак не могла решить, надеть ли клипсы или не стоит; без клипсов у меня был вид деловой и строгий, зато с клипсами – свойский и сексуальный). А бедной Спиридоновой пришлось уныло ждать меня на ступеньках, зябко ежась на ветру и подпрыгивая, чтобы согреться.

– У тебя какое-то торжество, что ли, сегодня?

– Вообще-то я так каждый день выгляжу, – промурлыкала я, небрежно тряхнув волосами. В результате этого порывистого движения круглая пластмассовая клипса (я их все-таки надела) сорвалась с моего уха и покатила по асфальту. И почему так всегда получается – стоит начать строить из себя роковую женщину, как непременно происходит что-нибудь дурацкое?

Я нагнулась, чтобы ее поднять, но не успела: хрупкое украшение было безжалостно раздавлено каблуком проходящей мимо женщины, толстухи в красном вельветовом комбинезоне.

– Вы когда-нибудь под ноги смотрите? – разозлилась я, собирая в ладошку то, что осталось от наимоднейшего украшения, между прочим, весьма дорогого. По-моему, некоторым особам, чьи габариты превышают допустимые эстетикой нормы, следует запретить ходить по улицам без специального предупреждающего сигнала.

Толстуха остановилась и, приподняв бежевую бровь, уставилась на меня.

– Вы это мне?

Подумать только, какая наглость, мало того, что она нанесла мне существенный материальный ущерб, так она еще и хамит вместо извинений.

– А кому же еще?! – возмутилась я. – В следующий раз носите очки!

Краем глаза я заметила, что Лека Спиридонова ведет себя как-то странно. Сначала она попыталась спрятаться за мою спину, что было, по меньшей мере, смешно, ведь она толще меня как минимум на два размера. Потом она, вжав голову в плечи, широко улыбнулась и сказала, обращаясь к моей обидчице:

– Доброе утро, Грушечка!

– А, Спиридонова, – снисходительно отозвалась та, – ну привет-привет.

– Извините, мы тут немного опаздываем...

– Мы? – Мерзкая толстуха вновь перевела взгляд на меня. – Что это значит?

– Познакомьтесь, пожалуйста, – засуетилась Лека, у которой вдруг сел голос, – это Саша Кашеварова, наш новый корреспондент.

– Вот как? Ну, это мы еще посмотрим! – противно ухмыльнулась толстуха перед тем, как без всяких вежливых расшаркиваний и прощаний удалиться, гордо неся на мощных колоннообразных ногах все свои пятьдесят лишних килограммов.

Притихшая Спиридонова укоризненно на меня посмотрела.

– Эх ты. Не лучшее начало первого рабочего дня.

– А что я такого сделала? И вообще, кто она такая?

– Это наш шеф-редактор Грушечка Майкова. Второй человек после руководителя программы. Ненавидит красивых женщин и мужчин, которые за ними ухаживают.

– А почему Грушечка? – хмыкнула я. – Хотя фигура у нее и правда грушевидная. Но я бы скорее назвала ее Тыквочкой или Бочкой Жиры.

– Тише ты, – выпучила глаза Лека, – не хватало, чтобы меня из-за тебя уволили. Зовут ее так, ясно? Агриппина. Но ей это имя не нравится, и она хочет, чтобы ее Грушечкой звали. Ты с ней лучше не шути, тетка стервозная и злопамятная.

Я вздохнула – ну вот, не успела отделаться от самодура Степашкина, как угодила в нананикюрные лапы женщины-руководителя. Может быть, зря я так? Пospешила уволиться, даже не поинтересовавшись, что ждет меня на новом месте.

Чтобы немного успокоиться, я достала из сумки рамку с фотографией моего экс-босса. На снимке он выглядел как живой – так и казалось, что сейчас фотопортрет, прищурившись, изречет парочку обидных обвинений: «Александра, вам не кажется, что вы опять опоздали?», «Где ваша статья о венецианских шляпках?», «Не могу представить более бесполезное существо, чем Саша Кашеварова».

Нет уж, ничего у тебя не выйдет, Максим Леонидович, можешь портить настроение кому-нибудь другому, а меня ждет новая жизнь, блестящая, волнующая и полная приключений.

Мстительно улыбнувшись, я незаметно показала фотографии язык.

* * *

В радостном волнении спешила я за Лекой по длинным коридорам телецентра. Ну не чудо ли это? Еще несколько дней назад я помирала от скуки в душном кабинете, выслушивала нравоучения зловредного начальника-деспота. А в свободное время гипнотизировала телефон в ожидании весточки от человека, у которого под жарким солнцем Калифорнии настолько размягчились мозги, что он напрочь забыл о моем существовании.

И вдруг все изменилось – бац! – и я в красной юбке иду брать штурмом телевизионный Олимп. Сейчас Спиридонова покажет мне новый кабинет. Наверняка это будет нечто просторно-стеклянно-хромированное с кожаным светлым креслом и ковром зебровой расцветки на полу. Ведь это же телевидение! Телевидение! Волшебный мир, законной обительницей которого я стану в самые ближайшие минуты!

– Ну вот мы и пришли, – Лека хлопнула меня по плечу, – чувствуешь себя как дома.

Затаив дыхание, я потянула на себя указанную Спиридоновой дверь и... в полной растерянности остановилась на пороге. Куда меня привели? Я с надеждой оглянулась на Леку – может быть, по рассеянности она просто перепутала дверь? Но нет, моя бывшая однокурсница, оскалившись в радостной улыбке, прошла внутрь.

Комната, в которой я оказалась, была и правда довольно просторной и светлой – впрочем, этим ее достоинства и ограничивались. О недостатках можно рассказать подробнее. В комнате находилось двенадцать выдавших виды офисных столов, на каждом из которых угнездился старенький компьютер. За столами, на столах, а также между столами, на стульях, сидели люди, каждый из которых с серьезнейшим лицом пытался решить вопрос, видимо, государственной важности.

– Мне наплевать, что студия занята! – вопила в телефонную трубку прехорошенькая блондинка. – Мне она нужна! Да, прямо сейчас!!

– Никто не видел распечатки Артефакт? – бубнил молодой человек в съехавших набок круглых очках. – Куда же подевались эти чертовы распечатки?

– Я тебе говорю, что он голубой! – голосила немолодая женщина, тощие ноги которой были едва прикрыты миниатюрными меховыми шортиками. – Надо отправить к нему корреспондента мужского пола!! Тогда все пойдет как по маслу!

На подоконнике восседала уже знакомая мне толстуха в красном. Она поела хот-дог, ее руки были испачканы майонезом и кетчупом, что не мешало ей возиться с какими-то распечатками, на которых после ее прикосновений оставались жирные красные следы.

Я дернула Леку за рукав.

– Спиридонова, что здесь происходит? Это палата номер шесть?

– Да нет же, это наша редакция, – рассмеялась Лека, – не пугайся так, ты привыкнешь. Не теряйся, знакомься с коллегами. Правда, почти никто еще не пришел.

– Почти никто? – в ужасе переспросила я. – Ты шутишь? Да в метро по утрам меньше народу, чем здесь!

– Это телевидение, – развела руками Спиридонова.

– Постой, но где же они все размещаются? Где чей компьютер?

Лека посмотрела на меня так, словно я попросила ее продиктовать мне три миллиарда составляющих молекулы ее ДНК.

– Сразу видно, что ты раньше работала в газете, – снисходительно улыбнулась она, – здесь, Кашеварова, как при коммунизме, все общее. Если тебе надо написать текст, ты просто подходишь к любому свободному компьютеру – и все!

– Но свободных компьютеров нет.

– Значит, занимаешь очередь на компьютер. Ты привыкнешь.

– Надеюсь, – неуверенно сказала я, а сама подумала: «Был ли так уж плох мой редакционный кабинет? По крайней мере, по нему не разгуливали экстравагантно одетые люди с оперно-громкими голосами».

Дама в меховых шортах, та самая, что минуту назад вслух размышляла об однополой любви, приблизилась к нам и приветливо мне улыбнулась.

– Что, новенькая? – ласково спросила она.

– А что, это так заметно? – я решила, что надо бы проявить дружелюбие по отношению к новой коллеге, хотя эта вульгарная, не по возрасту одетая особа не вызвала во мне чувства симпатии. Если честно, мне немного жаль женщин, которые с помощью трехслойных накладных ресниц и микроскопических туалетов пытаются справиться с убегающим сквозь пальцы временем. Надеюсь, что сама я в старости не буду похожа на копию Барбары Карленд.

– Конечно! – расхохоталась она. – Для телевизионного аборигена у вас чересчур дикий взгляд. Меня зовут Ада.

– Саша. Вы тоже корреспондент? Или редактор?

– Корреспондент. Редактор у нас один – Грушенька. Она занимается всеми текстами, а мы – рабочие лошадки.

– С так называемой Грушенькой я уже познакомилась, – хмыкнула я, – она раздавила мою сережку.

– Смотри, как бы она не раздавила твою карьеру, – предупредила Ада, – правило выживания номер один – никогда не спорь с редактором.

– А что, есть еще какие-то правила? – поинтересовалась я.

– Полно! – рассмеялась Ада. – Да ты и сама все узнаешь. Когда время придет.

«И не собираюсь, – подумала я, – сейчас вежливо объясню Спиридоновой, что я работать в такой атмосфере не могу. А потом... Потом либо попрошу Степашкина взять меня

обратно, либо займусь поисками новой работы. Причем скорее второе, чем первое, потому что Степашкин вряд ли меня возьмет!»

А в это время толстобокая Грушенька, лихо расправившись с хот-догом, принялась за пожирание одного из корреспондентов.

– Это отвратительный текст! – верещала она, размахивая испачканными в кетчупе руками. – Абсолютно тупой, кондовый текст! Его легче переписать заново, чем править!

Корреспондент, subtilный юноша в круглых очках, втянул голову в плечи и попятился назад. Наверное, если бы природа одарила его хвостом, то он бы им усиленно завилал, чтобы продемонстрировать мерзкой бабе высшую степень раскаяния.

– Я все перепишу, – он принял из рук Грушеньки засаленные листки, – прямо сейчас возьму и перепишу.

– Ужасная баба, – прошипела я, обращаясь к своей новой знакомой Аде.

Беда в том, что как раз в этот момент почти все присутствующие в комнате умолкли, жадно прислушиваясь к разгорающемуся скандалу, так что мой звенящий шепот отчетливо прозвучал в тишине. Грушенька медленно повернула голову в мою сторону.

– А, это же наша новая рабочая сила, – недобро прищурившись, констатировала она, – что-то мне подсказывает, девушка, что ты здесь ненадолго!

«Что-то мне подсказывает, что ты абсолютно права!» – весело подумала я, прикидывая, как бы побыстрее сбежать из этого серпентария. Но не успела я схватиться за спасительную дверную ручку, как меня остановила Лека Спиридонова.

– Кашеварова, ты куда? Я договорилась с главным, сейчас он с тобой поговорит!

– Лека, я очень извиняюсь, но...

– Потом, потом! – перебила она. – Он у нас человек занятой, лучше бы ты к нему поспешила. Пойдем, я тебя провожу.

Пожав плечами, я последовала за ней. Ладно, ничего страшного, от меня ведь не убудет, если я поговорю с руководителем этого странного коллектива. У которого, хочу отметить, хватило ума уютно устроиться в отдельном кабинете на безопасном расстоянии от толпы своих подчиненных.

Лека интеллигентно постучала в обитую коричневой кожей дверь.

– Войдите! – раздался из-за двери низкий мужской голос с приятной хрипотцой.

– Ну, ни пуха ни пера, – Спиридонова подтолкнула меня в спину.

Вместо того чтобы послать ее к черту, я снисходительно улыбнулась и уверенно вошла в святая святых – кабинет руководителя телепрограммы «Джентльмен-шоу».

Вошла и замерла на пороге. За столом, в глубоком мягком кресле сидел мужчина с такими выдающимися внешними данными, что при желании и наличии минимального таланта он мог бы легко сделать карьеру в кино. Был он широкоплеч, синеглаз и чернобров, на его щеках аристократично кудрявились старомодные ухоженные бакенбарды; его губы были темными и твердыми, лоб – высоким и чистым, а подбородок – немного тяжеловатым и, разумеется, волевым. Красавец мужчина разговаривал по телефону, жестом он пригласил меня войти.

И я вдруг подумала: а что, если в этой редакции не так уж плохо, как показалось мне с самого начала? Ведь так всегда бывает – в любой работе есть свои плюсы и минусы. Минусы – это переизбыток коллег на квадратный метр, вредная редакторша и общая нервозность обстановки. Зато безусловный плюс – начальник, внешний вид которого навевает мысли отнюдь не о профессиональном росте. Какая же чаша весов тяжелее? Это мне предстояло решить в следующие несколько минут.

* * *

Ничто так не скрашивает скучные трудовые будни, как начальник, смахивающий на Мела Гибсона в его лучшие годы. Особенно если он смотрит на тебя, как рок-фанат на Мика Джаггера.

За те мгновения, пока секс-символ редакции заканчивал телефонный разговор, я успела многое:

1. Оперативно изучить в карманном зеркальце свое отражение и молниеносно исправить недостатки путем экстренного припудривания носа и закапывания в глаза специальных отбеливающих капель.

2. Убедиться, что мой внешний вид вполне соотносится с определением «леди» без конфузных сюрпризов типа перекрученной юбки или спущенных колгот.

3. Придать своей улыбке голливудский энтузиазм, а своему взгляду – иронично-эротический прищур.

4. Три раза проиграть в уме марш Мендельсона и образно представить, как смотрелся бы мой новый начальник, если надеть на него полосатые семейные трусы и усадить за мой кухонный стол. А я бы в красном фартуке в горох жарила бы для него утренние оладьи.

– Извините, что заставил вас ждать! – приветливо улыбнулся он, поднимаясь из-за стола. – Проходите, присаживайтесь. Чай, кофе, коньяк, сигару, шоколад?

Я уже собиралась расслабленно согласиться на коньяк и шоколад, но вдруг подумала: а вдруг это тест? Вдруг таким незамысловатым образом клон Мела Гибсона хочет проверить, не страдает ли его новая сотрудница хроническим алкоголизмом?

– Чай, если можно, – скромно потупилась я, сложив руки на коленях, – я не пью.

– Да вы само совершенство! – шутливо воскликнул он, впрочем, в каждой шутке есть доля... Тем более, что в глубине души я давно подозревала, что являюсь идеалом. – Ну, давайте же знакомиться. Меня зовут Георгий. Георгий Волгин.

– Александра Кашеварова. Можно просто Саша.

– Значит, хотите работать у нас корреспондентом, – полувопросительно-полуутвердительно сказал он.

«Не совсем так, – подумала я, – хочу немного развеяться и заодно наконец найти себе достойного мужика. А то мама вчера сказала, что скоро у меня истечет срок годности. И пусть я считаю, что в тридцать лет жизнь только начинается, но почему-то ее слова запали мне в душу!.. И, кстати, ты, Георгий Волгин, вполне мне подходишь».

Естественно, ничего подобного я произнести не могла. Поэтому и сказала просто:

– Я давно мечтала работать на телевидении.

– Значит, ваша мечта сбылась! – щелкнул пальцами Георгий. – С завтрашнего дня можете приступать.

Как, и все? Странно, я-то думала, что он потребует резюме, а потом долго и нудно будет расспрашивать о профессиональных приоритетах. А на практике для удачного прохождения интервью вполне хватило красной юбки – как Лека и предсказывала.

– Разве вам не нужно рассказать о том, где я работала до этого? – растерянно полюбопытствовала я.

– А вы хотите со мной поговорить? – прищурился он. – Ну хорошо, расскажите. И где же вы работали?

– Эээээ... В газете «Новости Москвы». Я была редактором отдела моды, – в моем голосе послышались горделивые нотки.

– Газеты такой не знаю, – Георгий мигом спустил меня с небес на землю, – но то, что вы увлекаетесь модой, я уже понял. Несложно догадаться, стоит только взглянуть на ваши туфельки «Поллини».

Я удивленно на него взглянула – не шутит ли? Неужели мне настолько повезло с начальником, что, кроме всего прочего, он еще и модный фанат? Если так, то он будет со снисходительным пониманием относиться к тому, что пару раз в неделю я отчаливаю с работы пораньше и беру курс на магазины.

Да нет, так не бывает. Скорее всего, у его любовницы просто есть такие же туфли. Или у его бой-френда – мужчина с такой внешностью может вполне иметь нетрадиционную сексуальную ориентацию.

– Хотя разве такая красавица может не быть модницей? – вкрадчиво улыбаясь, добавил он. Его засахаренный взгляд медленно поднимался по моим щиколоткам к едва прикрытым красной юбкой коленям, из чего я сделала вывод, что сексуальная ориентация Георгия Волгина находится в рамках общепринятой нормы. – Что ж, был рад с вами познакомиться, Александра Кашеварова. Кажется, вас Спиридонова привела?

Я кивнула.

– Вот она вам все и покажет. Завтра можете приступать.

Когда я уже собиралась выйти из кабинета, Георгий сказал:

– Если у вас будут какие-то проблемы, Саша, обращайтесь сразу ко мне... Ну и если просто скучно будет, тоже обращайтесь.

Я обернулась от двери – не шутит ли, не издевается? Но Георгий Волгин и не думал демонстрировать чувство юмора. Он смотрел на меня так... так... Короче, именно так одна моя приятельница, вечно худеющая манекенщица, смотрит на чизбургеры в Макдоналдсе – с нарастающей страстью, легкой тоской и тревожным вождением.

ГЛАВА 3

– Самое главное – заранее продумать вопросы для интервью, – предупредила Лека Спиридонова, тараша на меня свои и без того круглые глазница, – не забудь, это половина успеха. Придумать интересные вопросы.

Поэтому вечером я честно уселась за кухонный стол с листком бумаги и карандашиком для губ (других пишущих предметов в моем доме не оказалось) и набросала примерный список заботивших меня вопросов. Таких как: что надеть на интервью? Под каким предлогом избавиться ненадолго от оператора, видеоинженера и двух осветителей, чтобы быстренько назначить коллекционеру антиквариата свидание? Стоит ли сразу соглашаться на секс или пару недель помариновать сгорающего от страсти миллионера?

Все эти вопросы были скорее философскими, нежели риторическими. Почему-то я на все сто процентов была уверена, что ответы будут самыми что ни на есть оптимистичными. А что вы хотите – после того, как жизнь моя вдруг кардинальным образом изменилась буквально за считанные минуты, я поверила в то, что отныне являюсь любимицей фортуны.

Зазвонил телефон. Не люблю самой себе в этом признаваться, но каждый раз, когда я слышу телефонную трель, я надеюсь, что это Эдик наконец звонит мне из Калифорнии. Понимаю, это глупо.

В конце концов, я сама собиралась его бросить – впрочем, с печальной историей наших отношений вы, кажется, уже знакомы. Но, каждый раз, когда звонит телефон, мое сердце начинает биться сильнее.

– Алло! – Я подлетела к радиотрубке и попыталась успокоить разбушевавшееся дыхание.

– Кашеварова, ты?

Я разочарованно вздохнула. Это была Лека Спиридонова. Всего лишь не в меру активная Лека.

– Я просто хотела убедиться, что у тебя все в порядке и ты не забыла о завтрашнем интервью.

– Да не забыла я, – я досадливо махнула рукой, – вот как раз сейчас сижу и придумываю вопросы.

– Молодец! – похвалила Лека. – Ты будь поактивнее. В нашей программе инициатива приветствуется. Бери пример с меня, я ведь работаю здесь не так давно, а меня уже заметили!

Я вспомнила своего нового начальника, Георгия Волгина, и тот ласковый взгляд, которым он ощупывал мои голые колени. Кажется, меня тоже уже заметили, если, конечно, Спиридонова имеет в виду именно это.

– Заметили и продвинули! – продолжила тем временем Лека.

– Что ты имеешь в виду под словом «продвинули»? – заинтересовалась я. – Волгин пригласил тебя в кино?

– Что? – растерялась она. – Нет, меня посылают в командировку!

Я презрительно хмыкнула. И это она называет карьерным ростом. Что касается меня, то я командировки ненавижу. Никогда не забуду, как экс-босс Максим Степашкин отправил меня на три дня в какую-то забытую Богом и людьми деревеньку в Ярославской области. Этому сентиментальному идиоту, видите ли, захотелось, чтобы я сделала материал об уникальных фольклорных костюмах, которые чудом сохранились в сундуке одной из местных старушенций. Была поздняя осень. Даже в Москве я чувствую себя не очень уютно в это время года – приходится все время напряженно всматриваться в асфальт, чтобы не наступить замшевым сапожком в коварную лужу. Что уж говорить о деревенском бездорожье – я ухит-

рилась испортить не только сапоги, но и всю остальную одежду. Когда я вернулась, меня даже долго не хотели пускать в метро, потому что я напоминала огромный глиняный ком.

Старушка, сохранившая в сундуке наряды, оказалась сумасшедшей. Она ходила по дому в драной ночной рубашке и кокетливо потряхивала седыми свалевшимися космами. В какую-то минуту я даже испугалась, что она собирается закусить мной на обед, уж больно обладательница фольклорного костюма смахивала на сказочную Бабу-ягу. Сами же наряды оказались полуистлевшими, отвратительно воняющими тряпками. Справившись с рвотными позывами с помощью мятного леденца, я наскоро сфотографировала эти так называемые костюмы, задала старушке пару вопросов и поспешила делать ноги. С тех пор слово «командировка» ассоциируется у меня с чавкающей глиной и запахом плесени.

А вот Лека Спиридонова ничего против этого слова не имеет. И даже наоборот. Ничего, посмотрим, как она запоет по возвращении. Наверняка ведь ее тоже посылают в какую-нибудь тмутаракань.

– И куда же ты едешь? – елейным голосом поинтересовалась я, ожидая услышать в ответ незнакомое название крошечного населенного пункта.

– В Лос-Анджелес! – гордо ответила Лека.

– Куда?! – Я ушам своим не поверила.

– В Америку. В Калифорнию, – снисходительно объяснила она.

– Постой... Но что ты там будешь делать? – Я растерялась.

– Как что? Работать, брать интервью. У нас запланирована целая серия материалов о русских, которые живут в Голливуде.

– И с кем же ты собираешься беседовать? – У меня замерло сердце, но я приказала себе успокоиться. Потому что таких совпадений не бывает. Просто не бывает.

– Да много с кем... С каким-то каскадером, который уже сто лет там живет и даже еле-еле говорит по-русски. И с мужем известной актрисы. С хозяином бензоколонки, который когда-то мечтал сниматься в кино. С алкоголиком. И еще с каким-то спортивным инструктором.

Мое сердце исполнило сложнейший акробатический кульбит и жалобно затрепыхалось в горле.

– Со спортивным инструктором? – беспомощно повторила я. – И как же его зовут? Ты, наверное, еще не знаешь, да?

– Почему же, – добродушно усмехнулась Лека, – подожди, посмотрю... Так, где это у меня?... А, вот, нашла. Эдуард Маркин!

– Какой кошмар! – вырвалось у меня.

– Что? – удивилась Лека.

– Я имею в виду, что рада за тебя, – с трудом я взяла себя в руки. Сказать ей или не сказать? Сказать или не сказать? – А почему ты берешь у него интервью? Он ведь, наверное, просто мелкая сошка.

– Да нет, он там считается очень престижным инструктором, – весело возразила дура Спиридонова, – репортаж будет называться «История успеха». Ведь он добился всего этого за такое короткое время!

Понимаю, что это нехорошо, но я бы предпочла, чтобы спиридоновский телесюжет носил название с диаметрально противоположным смыслом. «История провала», например. Под грустную скрипичную музыку заросший белобрый щетиной Эдик со слезящимися красными глазами рассказывал бы миллионам зрителей о том, как, потеряв работу, он запил горькую. Да рейтинги нашей передачи взлетели бы до небес!

Стоп, стоп! О чем я думаю? Нельзя желать такого человеку, даже если он уехал от тебя на другой конец земли и ни разу не позвонил.

– И когда же ты улетаешь?

– Завтра иду в посольство. А там уж как получится... Кашеварова, ты не расстроилась? У тебя еще все впереди! – приободрила меня Лека.

– Со мной все в порядке, просто голова раскалывается.

– Тогда ложись пораньше! У тебя же завтра ответственный день!

– Это точно, – я покосилась на аккуратно развешанную на диванной спинке одежду. Между прочим, я так еще и не решила, что выбрать. – Ладно, Лека, спокойной ночи.

– Спокойной ночи! Желаю тебе удачи на завтрашнем интервью.

«Да уж, удача мне не помешает, – подумала я, – теперь, когда я знаю, что Эдик добился успеха, я просто не имею права упустить этого коллекционера антиквариата! Просто не имею права!»

* * *

Классическая съемочная группа состоит из нервного, измученного гастритом журналиста, бодро похохатывающего невозмутимого оператора, индифферентного ко всему (кроме пива, конечно) видеоинженера и пьяного в хлам осветителя (чтобы не упасть, представители этой благородной телевизионной профессии вынуждены обеими руками держаться за осветительный прибор). Так сказала мне Лека, и, судя по всему, она была права. Роль корреспондента-невротика должна была исполнить я, вся остальная гоп-компания была уже в сборе.

Откашлявшись, я степенно представилась. Я помнила о том, что авторитет в новом коллективе зарабатывается в первые же минуты. Жаль, что от природы у меня высокий голос – некоторые недоброжелатели даже называют его писклявым, хотя, ручаюсь вам, что на самом деле это не так.

– Доброе утро, меня зовут Александра Кашеварова, я – новый журналист!

Никто даже не повернул в мою сторону головы. Оператор возился со стопкой кассет, видеоинженер прилип к телеэкрану (показывали «Дорожный патруль», почему-то вид залитого кровью асфальта и мрачных лиц свидетелей вызывал у моего нового коллеги нездоровый смех). Осветители азартно резались в «дурака» – засаленные, истрепанные карты так и порхали над столом.

– Меня зовут Саша, – менее уверенно повторила я.

Ноль внимания. Признаться честно, я растерялась. Теоретически я знала, что корреспондент является условным руководителем съемочной группы. Но значит ли это, что я должна властно прикрикнуть на совершенно незнакомых людей, призывая их к порядку? Может быть, разыграть из себя стерву – пнуть ногой ровную стопку кассет, только что сложенную оператором? Или свернуть трубочкой толстенный гляцевый журнал об интерьерах, который я почитывала в метро, и изо всех сил треснуть им между глаз видеоинженера – может быть, от неожиданности его взгляд станет более осмысленным?

Но вместо этого я продолжала уныло топтаться на пороге.

Неожиданная помощь подоспела вовремя; моим ангелом-хранителем оказалась Ада, с которой я познакомилась в редакции накануне. Я и не заметила, как она появилась за моей спиной. Сегодня на ней был еще более умопомрачительный наряд, чем вчера. Шифоновое красное мини-платье не скрывало ни ее страдающих варикозным расширением вен ног, ни мясистых дрябловатых рук, ни загорелой увядшей груди. Ее уверенности в себе можно было только позавидовать.

– Всем встать! – громко гаркнула она.

Представители съемочной группы нехотя оторвались от интересных дел и уставились на нас. Ада решительно выдернула штепсель телевизора из розетки, потом смахнула со стола игральные карты.

– Познакомьтесь, это Саша Кашеварова, наш новый корреспондент!

Четыре пары хмурых глаз неприязненно уставились на меня. Мне только и оставалось, что тоненько хихикнуть и приветливо помахать рукой.

– И чтобы без глупостей! – неизвестно зачем добавила Ада. – Всем марш на улицу, вас там уже машина ждет!! А ты, Саша, – она обернулась ко мне и понизила голос, – будь немного понаглее. Здесь иначе нельзя.

– Не знаю, получится ли... – Я смотрела, как видеоинженер нарочито медленно складывает в специальную сумку микрофоны.

– Получится, и не сомневайся. Ну... Ни пуха ни пера тебе!

И я подумала – а может быть, и впрямь послать все к черту? Ну какой из меня журналист, если я даже не могу заставить съемочную группу прекратить строить из себя умирающих лебедей? Но потом я взяла себя в руки. Как водится, послала к черту Аду – на удачу – и, увлекая за собой мрачно матерящихся осветителей, покинула редакционную комнату.

Я собиралась взять первое в жизни телевизионное интервью.

* * *

Коллекционер антиквариата ждал нас в своем офисе, расположенном в симпатичном розовом особнячке в самом центре Москвы.

Всю дорогу я посматривала то на часы, то в карманное зеркальце. Часы свидетельствовали о том, что мы безбожно опаздываем, зато зеркальце оптимистично утверждало, что я красива и достойна внезапной миллионерской любви.

– Да прекрати ты так нервничать! – обратился ко мне оператор, которого звали Димой.

– Да я и не нервничаю вовсе, – попробовала улыбнуться я. Уголки губ дрожали.

– Вот бы мне хоть наполовину так же серьезно относиться к работе! – усмехнулся он.

Знал бы этот Дима, что я переживаю вовсе не из-за работы (никогда не была карьеристкой), а из-за предстоящего свидания с коллекционером-миллионером. Сразу ли он падет жертвой моей агрессивной сексуальности или мне придется очаровывать его умной и ироничной беседой? Предпочитает ли он блондинок или брюнеток? Нет ли у него постоянной девушки? И так далее...

– Это твоя первая работа на телевидении? – спросил Дима.

Откровенно говоря, я бы предпочла помолчать и спокойно еще раз обдумать детали интервью.

С другой стороны, я понимала, что пренебрегать дружелюбным вниманием нового коллеги, по меньшей мере, невежливо.

– Да, – честно призналась я.

– Я так и знал. Все вы ведете себя одинаково. Я заметил, что первое время корреспондентки одеваются как на парад. Потом им это надоедает. Они наконец понимают, что телевидение – это не праздник, а рутинка.

Я покосилась на его заляпаные чем-то белым джинсы. Да, такой тип скорее сжует на обед собственные носки, чем появится на работе в отглаженной белоснежной рубашке.

– Уж не думаешь ли ты, что наш коллекционер на тебя клюнет? – Диму осенила внезапная догадка.

Мне стало как-то не по себе, уж слишком быстро он рассекретил мои наполеоновские планы. Я сделала вид, что его бредовое предположение кажется мне смешным (правда, смешок получился неестественным), и быстро сказала «нет».

– Да ладно, Сашка, – он фамильярно ткнул меня указательным пальцем в бок, – я же вижу, что да! Слушайте, ребята! – обратился он к дремлющим на заднем сиденье телевизионного микроавтобуса осветителям. – Эта девушка рассчитывает закадрить нашего героя!

Осветители дружно рассмеялись. Они выглядели как однайцевые близнецы – оба лысые, розовощекие, в растянутых, остро пахнущих табаком темных свитерах.

– Ну, пусть попробует, – наконец хрипло сказал один из них.

– А мы посмеемся, – добавил другой.

Высокомерно фыркнув, я отвернулась к окну.

Мы еще посмотрим, кто будет победно смеяться, а кто останется в дураках. Естественно, все получится именно так, как я и запланировала. Мне просто не может не повезти. Коллекционер антиквариата в меня влюбится, некоторое время мы будем друзьями не разлей вода, потом он подарит мне характерное колечко, потом будет шикарная свадьба. А потом... потом, допустим, мне станет скучно от ничегонеделания (не сразу, конечно, если честно, я обожаю ничего не делать), и мой миллионер преподнесет мне небольшую собственную телестудию. Ну, чтобы хоть чем-нибудь меня занять. Должно же быть у меня какое-то милое хобби, правильно? У всех богатых людей есть безобидные придури, и я не собираюсь становиться исключением из правил.

Вот тогда-то эти саркастично посмеивающиеся ребятки и вспомнят о моем существовании! Пристыженные, униженные, они придут ко мне устраиваться на работу. А я, закинув ноги на стол на американский манер и прикурив толстенную коричневую сигару (кстати, надо бы не забыть прорепетировать этот момент заранее, а то если я вдруг дилетантски закашляюсь горьким дымом, то весь эффект будет смазан), напому им о маленьком неприятном инциденте. Вот это будет возмездие!

Подумав обо всем этом, я довольно захихикала.

Оператор Дима посмотрел на меня как-то странно. Ну, конечно, он ведь, в отличие от меня, не умел заглядывать в будущее.

– Чего ржешь-то? – подозрительно поинтересовался он. – Пора нам. Приехали!

* * *

Я смотрела на мужчину, сидящего напротив меня, и не могла поверить своим глазам. Оператор Дима деловито устанавливал камеру, видеоинженер, насвистывая себе под нос, разматывал какие-то бесконечные шнуры, а я все смотрела и смотрела на будущего героя интервью, на коллекционера-миллионера с красивым именем Валерий Ларин. Вы не поверите, но этот мужчина словно явился из моих снов.

К сожалению, я имею в виду не будоражащие кровь эротические видения, а ночные кошмары.

У него была внешность слегка подлечившегося от алкогольной зависимости бродяги. Он был так худ, что казалось, между его нездорово-желтой кожей и миниатюрным скелетом вообще не имелось мышц и жира. Он был ниже меня на полголовы – но с этим обстоятельством я еще худо-бедно могла бы смириться, если бы не все остальное. У него были глубоко посаженные темные глаза, редкие брови, немного скошенный набок нос и тонкие бледные губы. Его фотопортретом вполне можно было бы пугать непослушных малышей.

Мне было обидно до слез.

Конечно, я понимаю, с лица воду не пить. Можно вспомнить историю благородного Квазимодо или детскую сказку о Красавице и Чудовище. Может быть, у него острый ум и большое горячее сердце... Может быть, он украдкой плачет над грустными стихами и любит собак... В конце концов, можно целоваться с ним при выключенном свете.

Целоваться.

Бр-р.

Боже, кажется, меня сейчас стошнит.

Валерий Ларин был настроен доброжелательно.

– Мне говорили, что это ваше первое интервью, – улыбнулся он.

Но мне почему-то не хотелось прослыть убогой дилетанткой, терпеть не могу, когда ко мне относятся снисходительно.

– Вовсе нет, – уверенно сказала я, – я опытный телевизионщик.

Оператор подавился жевательной резинкой, но у него хватило ума промолчать.

– Тогда мы можем начать? – Он поправил галстук, мягко улыбнулся телекамере и вопросительно посмотрел на меня.

Я же с деловым видом открыла блокнот, на первой страничке которого было написано: «Что надеть? Под каким предлогом избавиться от съемочной группы?» – и так далее. Это был мой вчерашний вопросник. Заметив, что видеоинженер насмешливо косится на этот наивный текст, я перевернула страничку.

Эх, надо было все-таки придумать какие-нибудь вопросы. Ну, хотя бы один, самый первый.

– Давай начинай, камера включена! – шепотом сказал Дима.

Коллекционер выжидательно смотрел на меня, но в моей голове, как назло, было пусто, как в холостяцком холодильнике.

– Ммммм... Как дела? – наконец выдавила я.

Если Валерий Ларин и удивился, то виду не подал.

– Нормально, – добродушно сказал он, – как всегда, по утрам у меня хорошее настроение.

– Это хорошо, – сказала я.

Так, Кашеварова, соображай, соображай! Думай, тупая курица!! Нельзя молчать, надо задать ему вопрос. Хотя бы какой-нибудь. Хотя бы глупый, для разминки. Любой, любой вопрос... Вопрос...

– Гыбы, – жалко усмехнулась я, – сколько времени?

Коллекционер антиквариата посмотрел на часы, видимо старинные, и с готовностью ответил:

– Половина первого.

Так, какие еще бывают вопросы? Надо просто расслабиться и представить, что это никакое не интервью, а обычная дружеская беседа. О чем я обычно говорю с мужчинами?... Можно, интимно понизив голос, спросить, что такое любовь. Я знаю, все мужчины любят рассуждать о возвышенной любви – особенно перед тем, как затащить даму в постель, а потом испариться из ее жизни навсегда. Вся беда в том, что он вовсе не собирается меня никуда затаскивать, я просто беру у него это проклятое интервью.

Чудовищным усилием воли я взяла себя в руки и выдавила:

– Я слышала, вы коллекционируете антиквариат?

Ларин беспомощно посмотрел на осветителя.

– Ну... да.

– И как?

– Это замечательное занятие, – немного оживился он, – это увлечение передалось мне по наследству. Мой отец тоже любил старинные вещи. Помню, когда мне исполнилось семь лет, он подарил мне железную дорогу начала века. Я расстроился, мне показалось, что это старье. Тогда я не понимал, что папа сделал мне ценнейший подарок. Зато дорога до сих пор у меня.

– Здорово! – с энтузиазмом воскликнула я. – А... что у вас еще... есть?

– Моя коллекция довольно обширна, – улыбнулся Ларин, – есть и фарфор, и игрушки, и ордена, и иконы, и картины, и мебель. Да, чуть не забыл про одежду.

– Одежду, – оживилась я, – вы хотите сказать, что интересуетесь и одеждой тоже?

– Ну да. Старинной одеждой, естественно.

Я расслабленно вздохнула. Ну, слава богу, наконец-то у нас нашлась хотя бы одна общая тема для разговора. Ведь я в прошлом обозреватель отдела моды. Я с ума схожу по красивой одежде, стоит только заглянуть в мой шкаф, чтобы это понять.

– И что же у вас есть из одежды? – Я наклонилась вперед.

Оператор Дима хмыкнул, видеоинженер широко зевнул, явив миру плохо вычищенные кривоватые зубы.

– Вам перечислить? – насторожился Валерий Ларин. – Ну... одежды у меня не так много. Есть вещи девятнадцатого и начала двадцатого века. Особенно интересна коллекция бижутерии начала века, я ее купил у одной старушки. Еще есть меховое пальто двадцатых годов, оно на удивление неплохо сохранилось. И к нему – муфта. Я не знаю точно, кому это все принадлежало, но, наверное, какой-то красавице.

– Меховое пальто! – Я едва не задохнулась от возбуждения. – А какое оно? Длинное, да? А какого цвета?

– Черное, – миллионер-коллекционер втянул голову в плечи.

– А фасон? – не отставала я. – Оно расклешенное или узкое?

– Расклешенное.

– А карманы? Есть ли на нем карманы?

– Эээ... Кажется, нет.

– А что насчет подкладки? Она стеганая?

– Да. Атласная.

– Ух ты! С ума сойти!

Я была так взволнованна, что даже не сразу заметила, что оператор Дима настойчиво подталкивает меня в плечо. Я недовольно к нему обернулась. В чем дело – у меня такая интересная беседа, а ему зачем-то вздумалось меня отвлечь!

– Саша, ты не забыла, что тебе надо взять у него интервью? – прошипел он.

– А я, по-твоему, что делаю? – возмущенно зашептала я в ответ. – Это и есть интервью, если ты не заметил. Вопрос – ответ, вопрос – ответ.

– Да, вот только какие ответы мы сможем дать в эфире? – насмешливо прищурился этот негодяй. – Может быть, ответ на оригинальнейший вопрос «сколько времени»? Саша, наша программа называется «Джентльмен-шоу». Ты должна его расспрашивать об образе жизни! А не о меховом пальто.

Пристыженная, я обернулась к Валерию Ларину, который сочувственно смотрел на меня. Надеюсь, что он не слышал нашей беседы, ведь я собиралась разыграть перед ним крутого профессионала.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да! Итак, переходим к следующему вопросу!

Что там посоветовал Дима? Поговорить о его образе жизни? Что ж, это совсем несложно!

– Валерий, каков ваш образ жизни? – звонким голосом поинтересовалась я.

– В каком смысле? – Он казался испуганным.

– Нууу... – Я беспомощно обернулась на Диму, но тот сделал вид, что не замечает меня, и уставился в видеоискатель, – понимаете, наша программа рассказывает о джентльменском образе жизни, и вот я хотела спросить... Мммм... Кстати, вы джентльмен?

Ответ его потонул в коллективном хохоте.

* * *

Это был кошмар, просто какой-то кошмар. Мое первое телевизионное интервью обернулось сценой из фильма ужасов. Мало того, что вместо красавца мужчины меня поджи-

дал самый настоящий монстр, так еще и я опозорилась – так и не смогла задать ни одного умного вопроса. В итоге на помощь мне пришла съемочная группа. Оператор Дима спросил что-то о роли мужчины в современном мире. Видеоинженер поинтересовался, что для нашего героя антиквариат – милое сердцу хобби или просто выгодное вложение денег? Даже осветители, от которых ощутимо пахло пивом, и те умудрялись придумывать какие-то весьма неглупые вопросы. И только я, начинающий тележурналист, молча таращила в девственно чистый блокнот. Мои уши горели от стыда, и я считала минуты до окончания этого позора.

Когда все наконец закончилось, Валерий гостеприимно предложил нам кофе. Не успела я вежливо отказаться, как один из осветителей заинтересованно уточнил:

– С печеньем?

– И с конфетами, – улыбнулся Ларин.

Я хотела было напомнить, что мы сюда не едем, но потом вдруг поняла, что все равно никто не обратит на мои слова никакого внимания. Я уже себя сегодня показала. Я для них теперь пустое место.

И внезапно мне стало так обидно и грустно, что даже слезы навернулись на глаза. Мне не хотелось показывать окружающим, до какой степени я расстроена и разочарована, так что я тихонько ретировалась к окну. Ничего, постою здесь в гордом одиночестве, успокоюсь немного.

– Саша, а вы что, не будете кофе? – За моей спиной возник Валерий Ларин с двумя чашками в руках. – Я рискнул приготовить вам на свой вкус. С ликером «Бейлис».

– Спасибо, – слабо улыбнулась я, принимая из его рук изящную фарфоровую чашечку, антикварную, наверное. Я была ему благодарна, густой запах кофе возбудил мой аппетит, но в сложившейся ситуации сама я ни за что не стала бы просить приготовить кофе и мне.

– Не надо расстраиваться, – его костлявая рука опустилась на мое плечо, – подумаешь, с каждым случается. Все равно в итоге интервью получилось неплохим.

– Да, но вопросы-то задавала не я! Знаете, Валерий, я же вас обманула. Никакой я не крутой профессионал, это и правда было мое самое первое интервью, – неожиданно призналась я.

– Я так сразу и понял. Для новичка вы смотрелись весьма впечатляюще.

Я недоверчиво взглянула на него. Валерий Ларин доброжелательно мне улыбался. Вдруг я заметила, что его глаза имеют необычный цвет – зеленые в коричневых крапинках. Как будто у него прямо в глазах веснушки. Эта мысль показалась мне такой забавной, что я даже улыбнулась ему в ответ.

А что, между прочим, не такой уж он и страшный. В первый момент его внешность, конечно, производит шокирующее впечатление. Но когда к нему присмотришься, понимаешь, что в нем даже что-то есть.

– Мне показалось, что вы интересуетесь одеждой, Саша. Вы так расспрашивали меня о пальто.

– Да, – я застенчиво рассмеялась, – одежда – это моя маленькая слабость... даже, скорее, большая.

– Знаете, – он, прищурившись, окинул пристальным взглядом мою фигуру, – некоторые вещи из моей коллекции отлично бы на вас смотрелись.

Я недоверчиво на него посмотрела. Неужели он собирается подарить мне старинное пальто? Мне, совершенно незнакомой девице? Как странно... Естественно, я бы была не против, самой мне такие наряды не по карману... Или это такой небанальный способ заигрывания со смазливой незнакомкой? Если так, то господин Валерий Ларин – неизобретательный пошляк! Неужели он думает, что я способна отправиться в постель с первым встречным, только если он подарит мне какое-то дурацкое пальто?! Да за кого он меня принимает?!

Черное меховое пальто начала двадцатого века...

С атласной стеганой подкладкой...

В отличном состоянии...

На беду, я обладаю весьма богатым воображением. Конечно же я тут же представила себя в вышеописанном пальто – я буду бледной, строгой и восхитительно аристократичной. И все будут оборачиваться мне вслед. Случайные прохожие потом еще долго будут вспоминать меня; засыпая, они будут думать о прекрасной незнакомке, словно вышедшей из старинного немого кино... Может быть, для кого-нибудь я даже стану навязчивым болезненным видением, самым ярким впечатлением жизни!

Я ведь всегда мечтала стать роковой женщиной, только вот все говорят, что это не мое амплуа. Ну да, они просто не видели меня в черном меховом пальто.

– Саша, может быть, мое предложение покажется вам странным, ведь мы почти не знакомы...

Мое сердце заколотилось, а на щеках выступил румянец. Вот оно. Я так и знала. Как и любой профессиональный журналист, я весьма проницательна. Сейчас он скажет: «Я готов подарить вам пальто, о котором мы разговаривали, но в ответ на одну маленькую услугу!» И пошловато подмигнет.

И что мне делать? Наградить его звонкой возмущенной пощечиной или... В конце концов, можно ведь выключить свет и плотно сомкнуть глаза. У меня есть одна подружка, Жанна, так вот она постоянно встречается с богатыми пожилыми мужчинами. Думаете, она это делает потому, что сходит с ума по их отвисшим животикам и вставным челюстям? О нет, просто мужчины эти покупают ей подарки – дорогую одежду, шикарные часы и золотые украшения. Как и положено приличной девушке, я Жанкину распущенность презираю. Но, признаться честно, иногда, когда она появляется на моем пороге в новых пятисотдолларовых туфлях и начинает рассказывать об отдыхе на Французской Ривьере, мне становится как-то не по себе. И в голову закрадывается предательская мысль – может быть, мои моральные принципы устарели? Кому вообще эти моральные принципы нужны, если я третий сезон ношу любимые босоножки?!

– Какое... предложение? – выдавила я.

– Я собираюсь организовать выставку старинной одежды. К выставке нужно сделать каталог. А для каталога, разумеется, понадобятся модели. Вы красивая, стройная, – он смущенно улыбнулся, – к тому же раз вам тоже нравится старинная одежда... Может быть, вы согласились бы позировать для моего каталога?

Я чуть кофе не поперхнулась. Если честно, я почувствовала облегчение. А что, о таком повороте событий я и не задумывалась. Кто знает, вдруг из меня получится превосходная фотомодель? Конечно, мне уже двадцать восемь лет, но кто сказал, что модель непременно должна быть неформившейся безгрудой нимфеткой?! Может быть, я даже стану законодательницей новой моды в модельном бизнесе – моды на красивых фигуристых женщин! Хм, правда, несмотря на «солидный» возраст, у меня и у самой нулевой размер груди... Ну ничего, не бывает безвыходных ситуаций, в конце концов существуют поролоновые лифчики.

Фотографируясь, я выложусь на все сто. И вот в один прекрасный день каталог с моими снимками совершенно случайно попадет в руки представителю модельного агентства «Форд». Меня пригласят в Америку, в Голливуд. Я стану звездой и познакомлюсь с Леонардо Ди Каприо. И вот однажды, прогуливаясь по бульвару Сансет под ручку с загорелым Лео, я случайно замечу попрошайку в лохмотьях, убого притулившегося в куче старых картонных коробок. Его лицо покажется мне смутно знакомым, и, к неудовольствию Ди Каприо, я подойду к нищему поближе. А он жалобно посмотрит на меня и хрипло прошепчет: «Шурка...» Вот тогда я его и узнаю. «Ба! – скажу я, удивленно приподнимая брови,

выщипанные лучшим косметологом Голливуда. – Да это же Эдик! Тот самый обманщик, который предложил мне стать его женой, а потом сбежал на другой конец света!» «Я так ошибался, – простуженно прохрипит неудачник, – Шурка, будь моей!» И вот тогда-то я ему и скажу – поздно! Мое сердце занято! А златовласый Лео приобнимет меня за плечи. Запоет-запричитает голосистая Селин Дион, и все окружающие смахнут с щеки непрошеную слезу.

Вот это будет номер!

– Я согласна! – радостно сказала я. – Всегда мечтала попробовать себя в роли фотомодели!!

– Вот и замечательно, – обрадовался Валерий, – тогда можем назначить день примерки. Вам так пойдут все эти платья.

– Как? У вас еще и платья есть? – Я подумала, что жизнь определенно налаживается.

– Еще какие! Есть одно платье, принадлежавшее Одри Хепберн.

– Вы шутите! – выдохнула я. – Самой Одри Хепберн? Откуда оно у вас?

– Купил на закрытом аукционе в Нью-Йорке, – скромно улыбнулся Ларин, – вам нравится Одри Хепберн?

– Да, но... Но она, наверное, в два раза тоньше меня, – отчаянно воскликнула я, – она же совсем худая и не такая высокая... А это значит, что платье мне, скорее всего, не подойдет. Послушайте, а может быть, можно его специально для съемки немного перекроить?... Ой, простите, я, кажется, глупость сказала. Это же платье самой Одри Хепберн, если его перешить, то оно потеряет всякий смысл.

– Какая вы забавная. Знаете... Я не уверен, что вы намного ее толще. Мне кажется, платье может и подойти.

– Да что вы говорите! Вообще я стараюсь следить за фигурой, – совершенно не к месту мне вспомнился съеденный на завтрак многослойный бутерброд с ветчиной, сыром и бог еще знает с чем.

– Когда вы хотели бы его примерить?

– Сейчас! – выпалила я.

Ларин удивленно округлил глаза.

– Сейчас? – удивленно переспросил он. – Но я думал, что вам надо вернуться на работу.

– Вообще-то и правда надо, – понизив голос, призналась я, – но ведь всегда можно что-нибудь соврать. А по этой части я спец. Скажу, что зуб болит. Кому нужна моя работа, кому нужно это идиотское неинтересное интервью?

Я вдруг вспомнила, что интервью я брала именно у него, у Валерия Ларина, и осеклась. Язык мой – враг мой. Эта идиома придумана явно именно о моем языке. Ненавижу его. Во-первых, на нем слишком много вкусовых рецепторов, поэтому даже мысль о диете кажется мне невыносимой. Во-вторых, я чересчур болтлива, что всегда оборачивается против меня. Вот как сейчас.

Но Ларин, казалось,нисколько не обиделся.

– Саша, вы неподражаемы, – улыбнулся Валерий Ларин, – ладно, поступайте как знаете. Платье в любую минуту к вашим услугам.

* * *

– Ты с ума сошла? – воскликнул оператор Дима, когда я самым независимым тоном пожаловалась ему на зубную боль. – Он же просто хочет с тобой переспать, ежу понятно! Переспит и бросит, отшвырнет, как старый ботинок!

– А при чем тут вообще он? – высокомерно любопытствовала я. – Говорю же, зуб болит. Я к стоматологу собиралась, поэтому и не могу вернуться в телецентр.

– Да ладно тебе! Что я, не видел, как ты с этим Лариным о чем-то договаривалась? Я такие вещи сразу просекаю.

– Плохо, наверное, быть таким умным, – с сарказмом сказала я, – только на этот раз ты ошибся. Я действительно иду к стоматологу!

Мимо нас прошел один из осветителей. «Стомато-олог, гинеко-олог», – весело пропел он, добродушно подмигнув мне.

– Ладно, поступай как знаешь, – вздохнул Дима, – я тебя, конечно, на работе прикрою. Но все-таки советую, пока не поздно, передумать. Помни, что я тебя предупредил.

Я весело помахала ему рукой и пошла прочь. Но потом вспомнила о стоматологической легенде, скривила лицо и схватилась рукой за щеку. А для большей убедительности еще и прихрамывать начала. Тоже мне, нашелся тут дипломированный психолог. Как будто бы человек и вправду не может захворать аккурат посреди рабочего дня.

За углом, в машине, ждал меня Валерий Ларин.

– Ну как, они поверили, что у вас зуб болит? – спросил он, открывая мне дверцу.

– Конечно. Я ведь собиралась поступать в театральный, поэтому умею притворяться очень убедительно.

– Тогда – вперед! – Он надавил на газ, и машина сорвалась с места так резко, что я взвизгнула от нежданности. – Ага, страшно?

– Вот еще, – пробормотала я, нащупывая ремень безопасности и стараясь не смотреть по сторонам, – обожаю скорость!

– А я обожаю девушек, которые обожают скорость, – подмигнул Ларин.

И в этот момент мы обогнали знакомый микроавтобус. В «мерседесе» коллекционера были не затонированные стекла, так что я встретила взглядом с оператором Димой, сидящим в микроавтобусе у окна.

Он презрительно усмехнулся и укоризненно покачал головой.

* * *

Ларин жил в просторной пятикомнатной квартире на Старом Арбате. Ну конечно, а где же еще мог поселиться коллекционер-миллионер с причудами? Квартирка напоминала музей дворянского быта. Все здесь было старинным, даже паркет; каждый предмет словно намекал на жизненное благополучие и высокий достаток своего хозяина. Ну и на его маленькую причуду, само собой.

С тех пор, как я согласилась примерить платье Одри Хепберн, события развивались даже более стремительно, чем мне того хотелось бы. В лифте мы вдруг ни с того ни с сего перешли на «ты» – причем это была инициатива Валерия. В квартиру же мы вошли, держась за руки. Я себя убеждала, что это просто жест дружеского расположения.

Однако не успела я скинуть туфли, как Ларин оттеснил меня к стене и попытался впиться своими бледными сухими губами в мой рот. Не так-то просто было освободиться от его мертвой хватки, несколько минут мы молча и яростно боролись, пока наконец мне не удалось изворотливым ужом выскользнуть из неприятных объятий.

– Зачем вы так? – только и смогла сказать я.

На что он ответил, невинно распахнув глаза:

– Просто у тебя такие красивые губы, Саша, что я не смог удержаться.

– Но ты ведь пригласил меня, чтобы померить платье Одри Хепберн, – вежливо напомнила я, все еще надеясь на благоприятный исход.

– Естественно, – не моргнув глазом сказал Ларин, – но для того, чтобы надеть платье Одри Хепберн, тебе сначала придется снять свое, – плотоядно усмехнувшись, отвратительным желтым от никотина пальцем он поддел ляжку моего летнего красивого платья в горох.

Меня так и передернуло от отвращения, и я попятилась к двери.

– Ты же не собираешься носить два платья одновременно, – он рассмеялся собственной шутке.

– Знаешь, что-то у меня и правда зуб разболелся, – я схватилась за щеку, – пожалуй, пора мне. Спасибо за прекрасное интервью. Ну, созвонимся!

Одним грациозным прыжком коллекционер-миллионер отрезал мне путь к отступлению.

– Пстой, а как же платье? – вкрадчиво заулыбался он.

– Как-нибудь в другой раз. – Я надела туфли и сразу же стала на целую голову выше незадачливого героя-любownika.

– Ну и зря, – вздохнув, он отошел от двери, – придется мне пригласить другую модель, а жаль, ты мне так подходила.

Я вздохнула – мне и самой было жаль, что так все получилось. Похоже, мне придется распрощаться с такими сладкими мечтами о бульваре Сансет, по которому я буду прогуливаться в компании сексапильного Леонардо Ди Каприо. Бедный Лео, он и не подозревает, какую злую шутку сыграла с ним судьба-индейка.

– Ну да ладно, – продолжал сокрушаться гордый обладатель легендарного платья, – ничего страшного. Мало ли девушек в Москве? Конечно, мне быстро удастся найти подходящую.

Я повесила на плечо зонтик и обернулась к Ларину, чтобы попрощаться. Я уже хотела сказать ему: «Всего доброго, созвонимся как-нибудь!», но мой подлый язык сам – честное слово – произнес:

– А какого оно цвета?

– Ты имеешь в виду платье? Коричневое. Насыщенный цвет горького швейцарского шоколада. К нему есть еще кожаный ремешок.

– Ремешок... – эхом повторила я.

– И перчатки, – набивал цену коллекционер, – впрочем, это уже не имеет никакого значения.

– А может быть... – Я прикусила губу.

А вдруг сейчас я совершаю самый глупый поступок в своей жизни? У меня есть уникальный шанс примерить платье одной из самых знаменитых голливудских див, это платье в данный момент находится в каком-то десятке метров от меня. Говорят, что вещи способны сохранять энергию своих хозяев – недаром же в студенческих общежитиях считается за удачу выпросить на свидание платье с плеча местной признанной красавицы! Так вот, вдруг эта вещь кардинально изменит мою судьбу, наделит меня волшебной силой, создаст вокруг меня мощное поле сексуальности, сделает меня неотразимой для всех мужчин?! А даже если и нет... Что ж, все равно это чудо – примерить такую вещь. А вдруг платье подойдет мне настолько, что коллекционер, удивившись и расчувствовавшись, захочет мне его подарить? А то, что Ларин вел себя не по-джентльменски – так, может быть, мне это просто показалось? У страха, как говорится, глаза велики. Ну что он такого сделал? Попытался меня поцеловать? Ну и что же, с кем не бывает. Вполне невинная миллионерская шалость. Вот если бы он попытался содрать с меня колготки – тогда бы я, наверное, насторожилась.

Платье...

Цвета горького шоколада, с ремешком и перчатками...

– Ну и ладно! – воскликнула я прерывающимся от волнения голосом. – Я хочу на это платье посмотреть!

Ларин явно обрадовался, хотя и постарался не подавать виду.

– Я знал, что ты умная девушка, Саша, и не упустишь такого шанса, – улыбнулся он, – идем за мной, платье в спальне.

Слово «спальня» меня не насторожило, перед моими глазами уже маячил изящный кожаный ремешок, а ладошкам не терпелось прикоснуться к нежному шоколадному шелку.

Я покорно брела за Лариным, пока мы наконец не пришли в просторную спальню, похожую на будуар аристократки девятнадцатого века. Огромная дубовая кровать, секретер красного дерева, пейзаж в тяжелой золоченой раме на стене. Впечатление несколько портил неказистый письменный стол, к которому было приставлено уродливое кресло, обтянутое черной кожей, – оно явно было новым и не очень дорогим.

– И где же оно? – прошептала я.

Ларин обернулся ко мне, на его бледных тонких губах змеилась загадочная улыбочка.

– погоди, Саша, не так же сразу. Может быть, налить тебе вина или бренди?

– Да не хочу я пить! – Мои пальцы дрожали от возбуждения. – Я хочу посмотреть на него. Пожалуйста!

– Понимаешь ли, Саша, – он подошел ко мне почти вплотную, и его руки обвили мою талию, – человек должен добиваться поставленных целей, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.